

Ю. А. НАЙДА

НАУКА ПЕРЕВОДА

При обсуждении науки перевода мы отнюдь не имеем в виду, что перевод является исключительно или даже в первую очередь наукой. При этом мы, конечно, не исключаем и никак не умаляем значимости тех сторон мастерства и искусства, которые обычно связаны и должны быть связаны с переводом¹. Говоря о науке музыки и имея в виду при этом не только изучение физических аспектов музыкальных звуков, но и понимание структур, в которые эти звуки входят в различных типах музыкальных сочинений, никто не принижает важности мастерства при сочинении музыки и искусства, обнаруживаемого при ее хорошей интерпретации. То же самое, безусловно, верно и в отношении перевода.

Наука перевода является лишь одной стороной лингвистической науки, которая в свою очередь является лишь одной из бихевиористских наук, цель которых состоит в тщательном описании и объяснении роли словесной коммуникации в человеческом поведении. Однако анализ перевода действительно отличается от большинства лингвистических штудий в том отношении, что при переводе мы имеем дело по крайней мере с двумя языками и изучаем их в терминах передачи формально различными средствами одного и того же содержания. Наука перевода, таким образом, имеет много общего с некоторыми сторонами сравнительного языкознания². Тем не менее при переводе основной упор делается на содержание, в связи с чем семантические факторы являются доминирующими, чего нельзя сказать о традиционном подходе в сравнительном языкознании. Кроме того, перевод отличается от большинства лингвистических подходов в том отношении, что он имеет дело с живой коммуникацией, направленной к аудитории, имеющей другой лингвистический и культурный уровень по сравнению с тем, который характерен для носителей коммуникации-источника. Это сразу же влечет за собой необходимость изучения быта и вкусов носителей языка, на который делается перевод («получателей» коммуникации), необходимость тщательного исследования культурных различий, которые оказывают влияние на интерпретацию и оценку сообщения. Таким образом, вряд ли было бы правильным подходить к переводу без учета динамического фактора ответной реакции получателей информации. Научное изучение перевода можно даже определить как отрасль сравнительного языкознания, основным объектом которой является семантика, изучаемая в контексте динамических соответствий.

Традиционные подходы к переводу. При традиционных подходах к проблемам перевода всегда возникали серьезные вопросы относительно са-

¹ Некоторые аспекты дискуссии о природе перевода приводятся в работе: E. A. N i d a, *Toward a science of translating*, Leiden, 1964, стр. 3—10.

² М. Вандрушка (M. W a n d r u s z k a, *Sprachen, vergleichbar und unvergleichlich*, München, 1969) использовал переводы сходных литературных произведений в качестве основы для сравнительно-лингвистического анализа.

мой возможности этой процедуры³. В большинстве случаев литературные критики, которые обычно заботились прежде всего о передаче формальных структур оригинала, настаивали на том, что перевод невозможен или в лучшем случае является весьма неадекватным заменителем оригинала. С другой стороны, художники слова не только защищали перевод, но и сумели добиться выдающихся образцов первоклассного перевода⁴. Спора нет, перевод всегда в той или иной степени связан с потерей смысла и искажением оригинала; однако эти особенности характерны для любой коммуникации, даже в пределах одного и того же языка. Практической целью переводчика, вполне естественно, является сведение к минимуму таких потерь. В его задачу не входит улучшение оригинала, но он, по крайней мере, должен воспроизвести наиболее близкий эквивалент в языке, на который делается перевод.

Некоторые литературные критики и переводчики уделяли слишком много внимания литературным достоинствам своей работы и настаивали на том, что перевод — это искусство, которое под силу только художникам слова, опирающимся при переводе главным образом на эстетические критерии⁵. Поэтому, по мнению этих критиков, любой разговор о науке перевода или даже об обучении навыкам перевода, бьет мимо цели. Только врожденная эстетическая чувствительность к словесным структурам считается основой и критерием при переводе. Вряд ли стоит спорить с теми специалистами, которые настаивают, что хорошие переводчики должны обладать определенным эстетическим чувством к тем средствам, которые они используют при переводе. Более того, такой эстетической чувствительности редко можно обучиться. Однако навыки перевода можно, безусловно, совершенствовать путем тренировки и опыта; художественные возможности переводчика можно усилить на основе систематической практики, направленной на достижение определенной цели. Наиболее распространенный подход к переводу лучше всего определить как «филологический». Именно этот подход является главной ориентацией журнала «Babel», официального органа Международной Федерации переводчиков. Целью большинства статей этого журнала является практическое применение филологических принципов стиля к целому ряду проблем, встающих перед переводчиком (разбираются, например, типы речи, риторические вопросы, аллюзии, цитаты, имена собственные и т.д.). В общем подход журнала нацелен на установление полезных эмпирических правил без попытки проведения или рекомендации какого-либо систематического анализа различий между языками⁶.

Лингвистический подход к переводу в Западной Европе и в США. Лингвистический подход к переводу в Западной Европе и в США⁷ возник сравнительно поздно. Для этого имеется ряд причин. Прежде всего, лингвисты обычно не занимались практическим переводом или обучением переводчиков; эти задачи осуществлялись главным образом специалистами в

³ Эти проблемы успешно рассмотрены с практической точки зрения Ф. Гюттингером (F. G ü t t i n g e r, Zielsprache, Zürich, 1963). Ж. Мунэн (G. M o u n é n, Les problèmes théoriques de la traduction, Paris, 1963) также разбирал некоторые теоретические и лингвистические аспекты этих проблем.

⁴ Одной из лучших книг, посвященных прежде всего филологическому подходу к переводу, является «On translation» ed. by R. A. Brower, Cambridge, 1959.

⁵ См.: E. S a g u, La traduction dans le monde moderne, Genève, 1956.

⁶ Имеются некоторые важные исключения. Отдельные лингвисты делают особый упор на филологические аспекты проблемы. См., например: J. U r e, A. R o g e r, J. E l l i s, Somn: Sleep. An exercise in the use of descriptive linguistic techniques in literary translation, «Babel», 15, 1969.

⁷ В настоящей статье мы не разбираем многочисленных и весьма ценных работ по теории и практике перевода, выполненных учеными в Восточной Европе.

области более традиционной дисциплины — филологии, где основной центр тяжести ложится скорее на изучение литературных форм и средств, чем на анализ собственно языковых структур. Во-вторых, в тридцатые и сороковые годы нашего столетия многие лингвисты находились под большим влиянием менталистических объяснений языковых структур и поэтому имели тенденцию игнорировать изучение языкового содержания, концентрируя основное внимание на языковой форме. В связи с этим лингвисты уделяли мало внимания семантике вообще и еще меньше интересовались сравнительным анализом, ориентированным на содержание, а не на форму.

Одна из первых попыток подойти к переводу с точки зрения лингвистических принципов была сделана Ю. Найда (1947)⁸. Однако это был в сущности прагматический подход к проблемам перевода, а не попытка разработать общую теорию. Дж. Касагранде (1954) и К. Вёгелин (1954)⁹ интересовались некоторыми антропологическими аспектами перевода; хотя подходы этих ученых были несколько различными, они предложили важные методы, с помощью которых можно производить более систематическое формальное изучение соответствий при переводе. Ж. Винэ и Ж. Дарбельнэ (1958)¹⁰ применили ряд важных лингвистических принципов к практическим трудностям соответствий в английском и французском языках. Целью этих ученых не было создание теории перевода, но они внесли значительный вклад в разработку систематических сопоставлений.

В области перевода технической литературы Р. Юмпельт (1961)¹¹ сделал важный шаг вперед, пытаясь соединить некоторые лингвистические и филологические принципы; однако в данном случае мы имеем дело прежде всего с попыткой сформулировать специальные правила, а не общие принципы или фундаментальную теорию. Журнал «Meta», издаваемый Монреальским университетом главным образом в помощь переводчикам с английского и французского языков, затрагивает широкий круг практических проблем и старается на основе здравых лингвистических суждений рекомендовать решения этих проблем. Ю. Найда (1964)¹² сделал попытку более глубокого изучения различных лингвистических подходов к проблемам перевода, за которой последовала чисто лингвистическая разработка теории перевода Дж. Кэтфорда (1965)¹³. В 1969 г. Ю. Найда и Ч. Тейбер¹⁴ выпустили книгу «Теория и практика перевода», в которой еще более полно были разработаны теоретические выводы, вытекающие из применения лингвистики к переводу и возможности такого применения, причем особое внимание уделялось грамматическому значению, компонентному анализу семантических структур и анализу речи.

В практическом плане ряд статей появился в журнале «The bible translator», публикуемом Объединением библейских обществ и предназначенном главным образом для миссионеров, которые занимаются переводом «Священного писания». Летний Институт лингвистики также опубликовал ряд статей, посвященных специальным проблемам перевода библии, вы-

⁸ E. A. Nida, Bible translating, New York, 1947.

⁹ J. B. Casagrande, The ends of translation, IJAL, 20, 1954; C. F. Voegelin, Multiple stage translation, там же.

¹⁰ J. F. Vinay, J. Darbelnet, Stylistique comparée du français et de l'anglais, Paris, 1958.

¹¹ R. W. Jumpselt, Die Übersetzung naturwissenschaftlicher und technischer Literatur, Berlin, 1961.

¹² E. A. Nida, Toward a science of translating.

¹³ J. C. Catford, A linguistic theory of translation, London, 1965.

¹⁴ E. Nida, Ch. R. Taber, The theory and practice of translation, Leiden, 1969.

шедших в серии, озаглавленной «Заметки переводчиков» под редакцией Дж. Бикмана.

Во многих случаях теоретическая разработка теории перевода значительно продвинулась под влиянием развития машинного перевода¹⁵. Но хотя надежды на быстрый рывок вперед в машинном переводе были велики, проблемы программирования были еще больше, и в настоящее время лишь несколько энтузиастов ожидают, что машинный перевод будет в состоянии выйти за рамки уже установившейся практики записывания технического текста с их очень специальным и ограниченным словарем, а также прозаических и стандартизированных речевых структур. Тем не менее интерес к машинному переводу привлек внимание к чрезвычайно полезным положениям теории информации, создав таким образом научную основу для индуктивных суждений относительно проблем импульсов, изысканности и промежуточных вероятностей.

Все эти практические и теоретические задачи перевода дали возможность выработать два основных теоретических подхода: 1) метод прямого переключения, основанный на последовательности правил формального согласования и 2) метод непрямого переключения, включающий анализ, переключение и изменение структуры.

Метод прямого переключения. При методе прямого переключения мы непосредственно переходим от текста на языке-источнике (source-language) к эквивалентному сообщению в языке, на который делается перевод (receptor-language), что достигается использованием ряда последовательных правил, дающих возможность уравнивать синтаксические и семантические структуры в соответствующих языках. В определенном смысле этот метод является расширением старого эмпирического метода, который также состоял из правил, но только из таких, которые представлялись необходимыми для решения специальных проблем. Процедуры, обычные при любом переводе, считались сами собой разумеющимися. Описываемый новый метод прямого переключения является, конечно, более усовершенствованным и основан на так называемых «правилах переписки». Некоторые специалисты считают, что соответствия можно наиболее эффективно и экономно установить, если пользоваться каким-то универсальным языком-посредником (имеется в виду либо естественный язык, либо, возможно, даже искусственный). Считается, что с помощью двух наборов соответствующих правил можно эффективно и в конечном итоге более экономно произвести переключение, ибо структура любого и всех языков может быть настроена на этот один язык-посредник.

Подобные подходы к переводу имеют большой теоретический интерес, но не отличаются особой практической ценностью. Прежде всего, если отвлечься от случаев наиболее явных соответствий между близкородственными языками, правила соответствия оказались бесконечно громоздкими и усложненными. Во-вторых, их использование оказалось затруднительным в связи с многочисленными исключениями. В-третьих, при строгом применении этих правил результаты обычно оказывались неудовлетворительными. Возможно, основные трудности этого подхода явились результатом его тесной связи с недостатками счетно-вычислительных машин. При определении языковых эквивалентов мышление является бесконечно более гибким инструментом по сравнению с машиной, и правила, которые теоретически могли бы быть применимы к машине (она в принципе является лишь неразумным гением), оказываются слишком сложными и громоздкими, если перевод производится человеком.

¹⁵ Оценку роли электронно-счетных машин в решении языковых проблем см. «Natural language and the computer» ed. by P. L. Garvin, New York, 1963.

Метод непрямого переключения. В связи с теоретическими и практическими ограничениями и трудностями метода прямого переключения, Найда и Тэйбер (1969) предприняли попытку изучения тех процессов, которые имеют место при получении хороших переводов. Какие виды умственных операций лежат в основе работы переводчика? Каковы различия и сходства в языковой структуре, которые являются определяющими в процедуре обнаружения удовлетворительных эквивалентов? Более того, каковы те методы, которыми должны пользоваться переводчики с целью эффективной передачи тех или иных текстов на языки, имеющие совершенно иную лингвистическую структуру, если при этом текст, на который делается перевод, характеризуется совершенно иной культурной канвой? В результате изучения было обнаружено, что перевод лучше всего производить путем трех отдельных, но тесно связанных между собой процессов: 1) анализа, 2) переключения и 3) изменения структуры.

Анализ. Процесс анализа состоит из сведения синтаксических и семантических структур к наиболее простым, хорошо анализируемым и легко передаваемым формам. Что касается синтаксических структур, то это означает сведение поверхностной структуры к ядерной или, лучше, к околоядерной (последняя является предпочтительной, так как она более точно переключается по сравнению с цепочками несвязанных ядер). Например, такая поверхностная структура, как *John... preached the baptism of repentance unto the forgiveness of sins* (Марк 1, 4) трансформируется: *John... preached: Repent and be baptized, so that God will forgive the evil you have done* или в не прямой форме: *John... preached that the people should repent and be baptized so that God would forgive them for the evil they had done* (вопрос о том, следует ли сохранить пассив *be baptized*, зависит от форм языка, на который этот оборот должен быть переведен). Такой процесс синтаксической обратной трансформации основан на признании четырех основных семантических категорий: 1) объектов (например, *man, woman, tree, house, stone*); 2) событий (например *run, walk, see, think, speak*); 3) абстрактных понятий (главным образом, качеств и количеств объектов и процессов, например, *good, tall, fast, once, ten*) и 4) связующих элементов (например, *in, by, when, because и therefore*), которые служат для связи различных семантических единиц или множества единиц. В практическом плане это обычно означает, что в ядерных структурах объекты представлены существительными, события — глаголами, абстрактные понятия такими словами, как прилагательные, наречия (или во многих языках стативными глаголами), а связующие слова — рядом различных классов, например, предлогами, союзами или просто порядком слов и соположением.

Подобная обратная трансформация структур с поверхностного до околоядерного уровня входит непосредственно в компетенцию порождающе-трансформационной грамматики. Однако в некоторых случаях такой анализ выходит далеко за пределы чисто формального лингвистического анализа. Например, такое предложение, как *the thought worried him*, можно рассматривать как ядерное при трансформационном анализе, но не на уровне, на котором приходится работать при переводе. Это предложение скорее следует разбить на три ядра: два содержательных и одно связующее. Содержательные ядра — следующие: а) *he thought* и б) *he worried*, а связующее ядро а) обуславливает б).

Имеется несколько весьма важных причин производства обратной трансформации любой сложной поверхностной структуры до околоядерного уровня. Прежде всего, на ядерном уровне отношения между конститутивными частями синтаксического отрезка максимально лишены семантической двойственности. Другими словами, на ядерном уровне значимые отношения между словами выражены наиболее ясно. Во-вторых, на ядер-

ном уровне языки обнаруживают намного больше структурных сходств и эквивалентов, чем на уровне поверхностной структуры. В самом деле, тщательное исследование ядерных структур ряда различных языков обнаруживает поразительные формальные соответствия. Универсальность таких структур, как переходность, непереходность и предикативность совершенно удивительна. Даже существование одинаковых типов предложений тождества с предикатом, выражающим качество (например, *John is good*), класс (например, *John is a boy*) и идентичность (*John is my brother*) представляется универсальным.

Естественно, что переключение может быть осуществлено с одного языка на другой с наименьшим искажением, если можно анализировать синтаксическую структуру вплоть до того состояния, когда отношения становятся наиболее специальными и наименее двойственными по содержанию, и если в этом состоянии синтаксическая структура обнаруживает большую степень формальной эквивалентности между различными языками. Это, конечно, не означает, что перевод на определенный язык (*reserptor-language*) остается на этом околядерном уровне. Никким образом. Вот почему необходим третий процесс, а именно изменение структуры, что дает возможность дальнейшей трансформации околядерной структуры до нужного уровня в языке перевода.

Можно задать вопрос, почему процесс обратной информации прекращается на околядерном уровне? Почему не продолжить трансформацию до уровня глубинных структур (в том числе даже наиболее глубинных), где, возможно, мы будем иметь дело исключительно с семантическими универсалиями? Такие цели преследовало бы логическое переключение. Теоретически эта методика представляется вполне правильной, ибо, если наиболее глубинные структуры языка оказываются лишь наборами семантических универсалий, то можно, хотя бы теоретически, оправдать этот тип процедуры. Однако имеется несколько весьма важных практических возражений против такой методики. Прежде всего, переход от ядерного уровня к наиболее глубинному уровню вовсе не является простой процедурой. В этой лингвистической «стигийской пропасти» мы сталкиваемся с целым рядом неизвестных. Кроме того, шаги, необходимые при этой процедуре, — многочисленны и сложны. При этом требуется использование громоздких процедур, не дающих возможности прийти к каким-либо иным результатам, чем те, которые можно получить на ядерном или околядерном уровне. Далее, эта процедура анализа до наиболее глубинных уровней может быть эффективно осуществлена, если мы имеем дело с письменными формулами, но переводчик просто не может позволить себе затрат времени, необходимых для этого. Если нужны символы, которыми он мог бы быстро манипулировать, которые можно уравнивать и проверять, то для этого необходим структурный уровень, на котором можно маневрировать мысленно. Сложные формулы на бумаге недостаточны для этого. Кроме того, переводчик может наиболее успешно проверить и оценить различия между языками именно на околядерном уровне. Однако анализ на этом уровне при всех условиях является неизбежным, даже если полностью провести обратное переключение до наиболее глубинного уровня, а затем опять вернуться на околядерный уровень в языке, на который делается перевод.

Наряду с синтаксическим анализом необходимо проводить анализ семантический. Этот анализ состоит прежде всего в сведении лексических единиц (слов и тесно связанных словосочетаний) к наборам семантических компонентов. Компоненты таких лексических единиц могут быть определены только путем сравнения их с другими словами, которые встречаются в той же или близко связанной с ней семантической области. Имеются в виду: 1) слова, которые являются смежными в семантическом простран-

стве (например, *run, walk, jump, hop*); 2) слова, которые пересекаются в семантическом пространстве (например, *peace* и *tranquility, joy* и *happiness, power* и *strength*) и 3) слова, которые включаются в пределы семантического пространства (например, такие иерархические структуры, как *animal, mammal, dog* и *poodle*). Структурные отношения между словами, обозначающими полярные противопоставления, например, *good* и *bad, rich* и *poor, tall* и *short*, могут также быть полезными при анализе близких наборов компонентов.

Семантические компоненты можно классифицировать по-разному. Например, можно говорить об общих компонентах (т.е. присущих всем сравниваемым лексическим единицам), диагностических компонентах (т.е. встречающихся с одним или более, но не со всеми компонентами класса) и о дополняющих компонентах (т.е. таких, которые важны для определенной лексической единицы в каком-либо другом контексте или с другими словами). Эти дополняющие компоненты часто представляют коннотативные значимости лексических единиц.

Анализ семантических компонентов должен также касаться внутренней структуры компонентных рядов. Эти ряды могут быть беспорядочными, что обычно наблюдается в отношении набора терминов родства, или упорядоченными. Многие компонентные ряды упорядочены непостоянно. Например, компоненты *rescue* состоят из 1) «serious plight or condition of A»; 2) «strenuous efforts (unless otherwise marked by someone other than A)» и 3) «resulting safe condition of A».

При анализе ряда лексических единиц, таких, как *speak, sing, whistle, whisper* и *hum*, обнаруживается, что компонентная структура *whisper* состоит из 1) «the use of the vocal apparatus»; 2) «employment of speech sounds»; 3) «all of which are voiceless». В этом ряду первый компонент можно признать центральным (или ядерным). Вторым компонентом предполагает ограничение первого, а третий — ограничение второго. Другим способом описания этого компонентного ряда может быть констатация, что голосовой аппарат может использоваться для производства целого ряда звуков (например, хрюпа, кашля, крика и шепота) и что одним из этих типов звуков является производство звуков речи. Речь обычно предполагает комбинацию звонких и глухих звуков, причем вся серия звуков может быть глухой; в этом случае мы используем термин «*whisper*» для обозначения особого типа производства речи голосовым аппаратом.

Анализ значения лексических единиц в терминах семантических компонентов является основным шагом в процедуре анализа, ибо только этим путем можно удостовериться в степени сходства и различия между словами в языке перевода и в языке, на который делается перевод. Если не разбить эти значения на их минимальные различительные признаки, можно получить лишь общее впечатление об их соответствии и уместности. Другим важным преимуществом анализа в терминах семантических компонентов является то, что, как и в случае ядерных структур, семантические компоненты различных языков поразительно сходны. Это не означает, что специфические группировки компонентов, представляемые отдельными лексическими единицами, идентичны. Однако многие компоненты, особенно те, которые обозначают общие понятия, например, *event, object, mass, countable, animate, inanimate, human, animal* и т.д., имеют тенденцию широкого распространения. Более того, даже более специфические компоненты часто могут определяться в терминах этих общих компонентов. Все это, таким образом, создает основу, на которой можно построить осмысленное сравнение семантических структур.

В реальной практике переводчик должен переводить не слова (или лексические единицы), но ряды семантических компонентов. Он может не

найти определенного слова в языке, на который делается перевод, эквивалентное тому или иному термину в исходном языке, но он всегда может выразить различные семантические компоненты переводимого отрезка в исходном языке. Другими словами, он может произвести дистрибуцию формальной структуры компонентов в исходном языке на различные лексические единицы в «конечном» языке.

Такое рассмотрение семантических компонентов в качестве пучка различных признаков, которые «определяют» лексическую единицу, в значительной мере напоминает описание фонемы как символа пучка различных признаков, анализируемых либо в терминах физиологического производства, либо в терминах акустических свойств.

В связи с тем, что рассмотрение процесса анализа до сих пор описывалось как относящееся, главным образом, к грамматическим структурам и семантическим компонентам, может создаться впечатление, что эта сторона процедуры перевода ограничивается только минимальными единицами текста и что более широкие аспекты речевой структуры были оставлены без внимания. Однако такое впечатление не отражает действительности. Хотя необходимо уделять особое внимание множеству минимальных структур грамматики и семантики, важно в равной мере не упускать из виду целостную структуру речи. Старая концепция, согласно которой предложение является пределом лингвистического исследования, оказывается совершенно недостаточной при рассмотрении весьма сложных структур, которые в большей мере определяют тип, порядок и аранжировку синтаксических и семантических единиц.

Анализ типов речи дал возможность различить две основные структуры: 1) повествовательную и 2) объяснительную. Повествовательная речь структурируется из последовательности связанных событий. Объяснительная речь состоит главным образом из связанных между собой общих и частных утверждений, причем за тематически главным предложением следуют предложения, которые повторяют некоторые частные стороны этого предложения и объясняют их (иногда путем приведения примеров первоначального общего утверждения, часто указывая на причины правильности этого утверждения, а в некоторых случаях путем добавления подробностей — описательное замещение — к первоначальному утверждению).

Все языки обладают также особыми «формально измеряемыми» структурами, с которыми эти основные речевые структуры могут сочетаться. Эти измеряемые структуры состоят из различных форм поэзии, например, эпической, лирической, дидактической, пословиц и поговорок и т.д. Как метко указал Р. Якобсон, параллелизм формы и/или мысли является одной из универсалий этих структур¹⁶.

Повествовательные речевые структуры обладают рядом универсальных черт, представленных несколько различными формами, но имеющими тенденцию постоянно повторяться. Последние включают: 1) вводные слова, фразы или даже предложения, которые в первую очередь создают определенную временную или пространственную канву; 2) переходы между более мелкими и более крупными эпизодами; 3) структурированные цепочки действующих лиц, предполагающие наличие определенных приемов их ввода, прослеживания их действия и вывода со сцены; 4) цепочки действий, перемещение центра тяжести которых выявляется посредством особых приемов; 5) центр восприятия и фон восприятия; 6) особое выделение, подчеркивание событий и 7) конечные выражения, которые как бы «закругляют» речевую последовательность, обычно перекидывая мост между

¹⁶ R. Jakobson, *Linguistics and poetics*, в кн.: *Style in language* ed. by Th. A. Sebeok, Cambridge (Mass.), 1960.

ее началом и концом. Вполне очевидно, что никакой переводчик не может обратиться к целостной речевой структуре без уделения постоянного внимания этим основным структурам и соответствующим возможностям их представления в «конечном» языке (языке, на который делается перевод).

Более широкие структуры речи в действительности являются основными составными частями «стиля». В прошлом филологи обнаружили значительный интерес к особому использованию слов и фраз отдельными авторами, считая, что эти особенности будто бы дают ключ к определению различий в стиле. Однако особая манера подхода к речевым структурам со стороны писателя является скорее надежным показателем стилистического гения автора. Для точного отражения этого компетентный переводчик должен обладать пониманием этих более объемистых речевых структур.

Переключение. При переключении сообщения с исходного языка на конечный в пределах околоядерного уровня переводчик неизбежно встречается с некоторыми видами трудностей. В большинстве случаев эти трудности сводятся: 1) к различию уровней специфичности и точности и 2) к отсутствию соответствия в форме и функции.

Различные уровни специфичности могут быть весьма усложненными. Например, на бушменском языке нельзя говорить просто о «переносе» чего-либо. Необходимо указать, производится ли это действие на голове, на спине, на бедре, на плече, на конце палки, переброшенной через плечо, в ладонях, на руках и т.д. С другой стороны, один и тот же термин может обозначать не только мясо, но и всех съедобных диких животных. Часто случается, что в тексте на исходном языке недостаточно точно указывается природа объекта или явления. В этом случае переводчик с целью определения выражения, наиболее подходящего по контексту, должен использовать свои знания и воображение.

Наиболее обычная трудность для переводчика состоит в отсутствии соответствия в форме и функции. Например, в некоторых языках Конго «бить в грудь» не означает раскаяния, а имеет в виду хвастовство. Форма существует, но имеет совершенно иную функцию. Наоборот, можно наблюдать совершенно различные формы с одинаковым значением. В ряде конголезских языков выражение «бить голову» означает раскаяние. Здесь форма отличается от английского, но функция, т.е. значение, — эквивалентна. Во многих языках мира можно обнаружить очень различные метафорические значения правой и левой руки, в частности, использование их, как символов преимущественного права и установленного законом отношения лица к другим лицам или к государству. Для того чтобы подойти к этим проблемам, необходимо уделить большое внимание семантическим компонентам, ибо только таким путем можно избежать серьезных недоразумений, в связи с бихевиористскими различиями в различных выражениях.

Процедура переключения, кроме того, предполагает определенные трудности, связанные с неодинаковыми личными склонностями переводчиков. Эти склонности переводчиков могут быть ущербными для объективности. Для некоторых людей добросовестный перевод означает буквальный перевод, перевод слова за слово, который близко следует форме оригинала, но принципиально отстает от его значения и целей. Например, буквальный перевод библейской идиомы «keep coals of fire on his head» был интерпретирован некоторыми конголезскими переводчиками как описание нового способа пытки людей до смерти, а не как выражение такой снисходительности по отношению к своему врагу, что ему становится стыдно.

Изменение структуры. После переключения содержания сообщения с исходного языка в конечный на околоядерном уровне необходимо произвести изменение структуры этого сообщения путем дальнейших трансформаций. Целью этой операции является воспроизведение сообщения в наи-

более близкой эквивалентной форме и с максимальным приближением к тому психологическому воздействию на читающих и слушающих, которое характеризовало текст на исходном языке. Это означает, что такие формальные признаки, как порядок слов, структура предложения и распределение семантических компонентов, должны подвергаться модификациям в соответствии с лингвистическими требованиями и нормами языка, на который делается перевод. Надо произвести и все обязательные изменения, требуемые языком, несмотря на возражения некоторых специалистов, стремящихся навязать конечному языку при переводе искусственные выражения только на основании их литературной традиции в исходном языке.

В случае, когда мы имеем дело с необязательными изменениями, проблемы изменения структуры становятся более сложными. Здесь речь уже не идет об изменениях, необходимых в связи со структурой конечного языка, а о том, что именно следует предпочесть. Однако возникает вопрос о том, чье предпочтение следует признать решающим при переводе. Следовательно, прежде чем делать перевод, лицам, имеющим определенный уровень знания языка, необходимо точно определить характеристики, типичные для этого уровня.

Традиционным критерием перевода являлось формальное соответствие, т.е. определение людьми, владеющими как языком перевода, так и языком оригинала, в какой мере первоначальный текст и перевод на конечный язык можно признать достаточно сходными по форме для признания перевода «правильным» или «точным». Однако такой подход неизбежно вызывает целый ряд серьезных вопросов. Специалист, владеющий как языком перевода, так и языком оригинала, часто очень хорошо знает смысл текста на исходном языке. В связи с этим он не может полностью отдать себе отчет в тех проблемах, которые возникают у лица, владеющего лишь одним языком, при попытке понять смысл перевода. Единственной надежной проверкой качества перевода является анализ того, как реагируют на него лица, владеющие лишь тем языком, на который сделан перевод. Если такие лица постоянно дают неверную интерпретацию перевода, затрудняются в понимании его или плохо реагируют на его стилистические особенности, то перевод явно не является точным или адекватным, независимо от степени формального соответствия. Чем выше степень формального соответствия, тем менее вероятна полная адекватность перевода. Две речевые формы считаются принадлежащими различным языкам на основе их формального различия. Перевод с одного языка на другой должен поэтому отражать эту степень формального различия; в противном случае мы будем иметь дело не с чем иным, как с формальным переносом неестественных заимствований грамматических или семантических структур.

В процессе изменения структуры особое внимание следует уделить проблеме стиля, ибо качество перевода, пожалуй, в большей степени зависит от его стиля, чем от какого-либо другого набора признаков. Казалось бы, что только содержание перевода является основным и определяющим для читателя, и для некоторых лиц это действительно так. Однако для огромного большинства людей чтение перевода в очень большой степени зависит от привлекательности его стиля, а не содержания.

Проверка перевода. Последним шагом в процедуре создания адекватного перевода является использование определенных приемов проверки, которые могут подтвердить его правильность и дают возможность убедиться в том, что этот перевод будет приемлемым для тех, кому он предназначен. Выделяются три аспекта перевода, которые можно и должно проверить: 1) степень формального соответствия оригинальному тексту, 2) степень формального соответствия в «конечном» языке и 3) степень смысловой нагрузки и приемлемости для людей, на язык которых сделан перевод.

Анализ степени формального соответствия с оригинальным текстом может производиться одним из двух следующих методов: а) тщательное сравнение соотносимых структур (в частности, такая процедура может включать проверку перевода для выяснения вопроса о существовании наиболее близких эквивалентов в структуре перевода и оригинала) и б) оценка общих различий в протяженности перевода и оригинала. Интересно отметить, что протяженность большинства хороших переводов имеет тенденцию превышать протяженность оригинала. Это, конечно, не значит, что все переводы большой протяженности по необходимости являются хорошими: мы хотим лишь сказать, что хорошие переводы обычно длиннее оригинала. Для этого имеется несколько важных причин. Насколько можно судить, поток информации на всех языках в общем одинаков, если принять во внимание тот факт, что большинство языков примерно на 50% является избыточными на всех уровнях (фонетика, грамматика, лексика). При переводе необходимо представить не только то, что было сообщено в оригинале, но и определить те добавочные категории, которые существуют в языке, на который делается перевод, и не могли существовать в тексте на исходном языке. В любом первоначальном сообщении многое может остаться невыраженным, ибо участники сообщения могут обладать общей для них информацией. Однако при переводе текста с одного языка на другой такая имплицитная информация часто должна быть превращена в эксплицитную, что достигается введением ее непосредственно в текст (если эта информация явно имплицитна в пределах контекста), либо вынесением в сноску, если соответствующие данные носят общий характер или указывают на определенных сторонах культуры. Степень увеличения протяженности перевода по сравнению с оригиналом зависит от лингвистической и культурной отдаленности между соответствующими языками и культурами.

Проверка степени формального соответствия с текстом языка, на который делается перевод, может осуществляться на основе следующих двух методов: а) статистическое сравнение некоторых ключевых признаков и б) использование техники «закрытых слов». При применении статистического метода для сравнения некоторых признаков можно выбрать из соответствующих образцов текста на «конечном» языке ряд важных признаков и произвести их статистическое сравнение (например, такие признаки, как длина предложений, число придаточных предложений, число предложных оборотов, связанных с глаголами, частотность причастных конструкций и т.д. в первоначальных и переводных текстах). Если различия превышают 10—15%, надо обратить внимание на серьезные трудности в переводе и тщательно проверить соответствующие структурные признаки¹⁷.

Намного более эффективным подходом при проверке перевода оказывается техника «закрытых слов», которая может применяться как к письменным, так и к устным материалам¹⁸. Обычная процедура при таком методе состоит в раздаче информантам текста, состоящего примерно из 250 слов, в котором каждое пятое слово вычеркивается (пропуск более 50 слов, по имеющимся данным, существенно не меняет результатов). Затем информантов просят заполнить пропуски: чем точнее это делается, тем больше промежуточных вероятностей в тексте и, следовательно, тем легче читать такой текст. В идеальном случае можно представить себе сравне-

¹⁷ Теоретически различия, превышающие 5%, важны. Однако очень часто трудно получить тексты эквивалентного типа для использования в качестве основы при статистическом сравнении. Поэтому в качестве более реалистичного мы предлагаем пользоваться дифференциалом в 10—15%.

¹⁸ Описание техники «закрытых» слов см.: W. L. Taylor, Cloze procedure: a new tool for measuring readability, «Journalist quarterly», 30, 1953; е го ж е, Recent developments in the use of cloze procedure, «Journalist quarterly», 33, 1956.

ние реакции лиц, воспринимающих первоначальную информацию, с реакцией лиц, воспринимающих перевод, хотя это обычно невозможно. Однако можно сравнить результаты опытов, проведенных на основе техники «закрытых слов» с примерно сходными образцами переводного и переводимого текста; такое сравнение дает некоторое представление об относительной степени понятности и трудностях понимания.

Еще одним способом проверки перевода является выяснение степени понятности смысла, содержащая сообщения. Обычно совершенно бесполезно читать текст информанту, а затем задавать ему вопрос, понял ли он этот текст. Это может быть интерпретировано как явное оскорбление его умственных способностей. Следует лучше прочесть текст информанту (при опыте такого рода предпочтительно слуховое восприятие) и затем попросить его объяснить значение этого текста какому-либо лицу, которое не слышало этот текст. Еще более эффективный тест состоит в громком чтении текста несколькими людьми. Этим можно проверить два вида признаков: 1) в какой мере движения лица информанта обнаруживают интерес, одобрение и понимание и 2) места текста, где читатель колеблется или читает неправильно. Если два и более лица делают одинаковую ошибку в одном и том же месте, следует тщательно проверить соответствующий абзац и посмотреть, не существует ли какое-то серьезное формальное противоречие, озадачившее читателя.

Лингвистика и перевод. Лингвистическая наука открыла перед переводом ряд новых перспектив и снабдила его новыми методами, с помощью которых можно эффективно анализировать процедуры и оценивать результаты перевода. Имеются две основные области, в которых лингвистика может в будущем сделать важный вклад в теорию перевода, а именно, исследование семантических компонентов и анализ речевой структуры. Путем установления минимальных различительных признаков, которые отделяют друг от друга значения слов, можно выработать очень полезный подход к семантическим признакам, значимым с бихевиористской точки зрения. Таким путем можно быстрее и точнее изучать культурные универсалии и особенности, а также те постулаты о реальности, которые имеют тенденцию оказывать большое влияние на межкузыковую коммуникацию. В то же время необходимо признать, что изучение семантических компонентов еще не раскрывает всей картины бихевиористской значимости какого-либо культурного признака, они только помогают отделить значение символа от конкурирующих значений других символов. Подобно тому, как различительные признаки фонемных или морфофонемных элементов неполностью описывают соответствующие звуки, т.е. только констатируют контрастные признаки, семантические компоненты только очерчивают границы, отделяющие значения друг от друга. Тем не менее эти наборы контрастных признаков важны для того, чтобы понять в определенной мере те символические структуры, которые используются людьми при описании своей культуры, а также символические структуры, функционирующие в пределах этой культуры.

Последние исследования речевой структуры показывают, что в этой области язык структурирован значительно больше, чем это предполагалось. Кроме того, многие речевые признаки оказались универсалиями, т.е. обнаруживаются во всех исследованных языках. Более ясное понимание механизма и особенностей таких структур, а также понимание их соотношения в межкузыковом плане, может оказаться весьма важным не только для решения практических вопросов перевода, но и для понимания некоторых понятийных основ человеческого общения. Возможно, именно в этом пункте наука перевода сделает важный вклад в понимание как человеческого языка, так и поведения.